

Научный электронный журнал «Сфера науки»

**Выпуск №1
(апрель)**

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

№1

Апрель 2025 г.

Краснодар, 2025

Содержание

Гражданское право	4
КОНЦЕПЦИИ ВИНЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ	4
Анисимова Милена Олеговна	
Конституционное право	10
ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЕДЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-БЛОГА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	10
Киреева Виктория Владимировна	
Уголовное право	17
ОСОБЕННОСТИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА ЛИЦА С ЦЕЛЬЮ СКРЫТЬ ДРУГОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИЛИ ОБЛЕГЧИТЬ ЕГО СОВЕРШЕНИЕ	17
Антропова Екатерина Артемовна	
ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ США И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ	23
Ахмедов Ниджат Муталиб оглы	
ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО КАК ВИД СОУЧАСТИЯ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	32
Будкова Анастасия Алексеевна Устинова Елена Павловна	
НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА, КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ	42
Лохман Елизавета Владимировна Деньгоф Аделина Викторовна	
ФОРМЫ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ	49
Никитцева Виктория Сергеевна Шаркова Дарина Валерьевна	
ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИИ	55
Павлова Валерия Антоновна Распопова Виктория Олеговна	
Уголовно-процессуальное право	62
ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	62
Антропова Екатерина Артемовна	

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
НАПРАВЛЕННЫХ НА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

67

Антропова Екатерина Артемовна

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

УДК 347.113

КОНЦЕПЦИИ ВИНЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Анисимова Милена Олеговна

Студентка ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»,

г. Саратов, Россия

e-mail: milyaanisimova.9@gmail.com

Аннотация: Вина является одним из ключевых элементов гражданско-правовой ответственности. В статье рассматриваются основные концепции вины в гражданском праве, изучаются подходы к ее определению, анализируется судебная практика, а также исследуется соотношение субъективного и объективного критериев вины в гражданском праве.

Ключевые слова: вина, гражданско-правовая ответственность, объективный критерий, субъективный критерий, смешанная концепция вины, психическое отношение, субъективные факторы.

В настоящее время все чаще обсуждается вопрос определения вины в гражданском праве. Существующие субъективный и объективный подходы к пониманию вины являются спорными категориями. Исторически в цивилистике сложились две противоположные концепции понимания вины: сторонники субъективного подхода, определяющие вину через психическое отношение лица к противоправным действиям и приверженцы объективного подхода, рассматривающие вину через внешние действия и поведение личности. В гражданском законодательстве не содержится легального определения вины, что вызывает сложности в правоприменительной практике.

Общая формула теории права, в представлении о вине, гласит: «без вины нет ответственности». Рассматривая вину в контексте общетеоретических знаний, стоит отметить, что субъективная сторона характеризует правонарушение с точки зрения его виновности. Вину принято определять через психическое отношение лица к своему поведению и обусловленным им последствиям или к содеянному [2, С.305]. Различают две основные формы вины – умысел и неосторожность. Данная концепция заимствована из науки уголовного права.

Однако в отличие от уголовного права, где вина является обязательным элементом состава преступления, в гражданском праве она может выступать в различных формах и не всегда требует доказывания умысла или неосторожности. В современной юридической науке также существуют такие концепции вины, как нормативная, оценочная, психологическая, опасного состояния [7, С.21].

Категория вины являлась предметом исследования, в том числе, и в философии, привлекая внимание таких мыслителей, как Аристотель, Эмпедокл, Гераклит, Сенека, Спиноза, Кант, Гегель и Ницше. Философский подход к пониманию вины, основанный на онтологии (учении о бытии), подчеркивает её двойственную природу.

С одной стороны, вина рассматривается как специфическое эмоциональное переживание, возникающее у человека после совершения им негативного действия, представляет собой чувство, связанное с самоосуждением и раскаянием.

С другой стороны, вина является не только эмоциональным состоянием, но и результатом когнитивной деятельности – рассуждения, рефлексии и анализа причин и следствий совершенного поступка или произошедшего события [6, С.196].

Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) не содержит определения понятия «вина». Отсутствие точной дефиниции влечёт различные толкования данного понятия. Однако, законодатель в ГК РФ

фокусируется на понятии «невиновность». Так, в абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ законодатель косвенно определяет вину через призму невиновности. Отметим, что лицо считается невиновным в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства, если оно проявило должную степень заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота [1]. Необходимо отметить, что данное определение, скорее, является набором критериев, используемых для установления вины, чем полноценным её определением.

На основании изложенного, определение виновности или невиновности осуществляется не на основе анализа субъективных намерений или психического состояния лица (что характерно для уголовного права). Вместо этого, решение принимается, исходя из объективного анализа его действий и того, насколько они соответствуют или не соответствуют условиям конкретного обязательства.

Поэтому, можно сформулировать следующее определение вины в гражданском праве, исходя из анализа ст. 401 ГК РФ: вина – это непринятие лицом мер по надлежащему исполнению обязательства, которые были необходимы при той степени заботливости и осмотрительности, которая разумно ожидалась от него с учетом характера обязательства и условий гражданского оборота. Это определение акцентирует внимание на объективных критериях, отказываясь от оценки субъективных факторов.

Ряд ученых-цивилистов, таких как Б.И. Путинский, М.И. Брагинский и В.В. Витрянский, приверженцы объективистского подхода. Данный подход обосновывается тем, что фокусирование на субъективной вине затрудняет доказательство. В отличие от субъективного подхода к пониманию вины, предполагающего анализ психического отношения лица к совершённым противоправным действиям и наступившим последствиям, объективистский подход сосредотачивается на том, что лицо «могло» сделать для предотвращения вреда. Вина, в рамках этой концепции, представляет собой недостаточную меру предосторожности, несоответствие тому уровню

заботливости и осмотрительности, который требовался в данной ситуации. Е.А. Суханов, придерживаясь подобной точки зрения, утверждает, что согласно закону вина переводится из плоскости трудно доказуемых субъективных переживаний в область объективно возможного поведения [5, С.464].

Однако позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в абз. 3 п. 2 Постановления № 1-П от 25 января 2001 г. иная. Она свидетельствует о поддержке именно субъективного подхода в понимании вины в гражданском праве. Так, в данном Постановлении отмечается, что «наличие вины – общий и общепризнанный принцип юридической ответственности во всех отраслях права и всякое исключение из него должно быть выражено прямо и недвусмысленно, т.е. закреплено непосредственно. Исходя из этого в гражданском законодательстве предусмотрены субъективные основания ответственности за причиненный вред» [3].

Примером из практики может послужить решение суда, когда государственное учреждение финансировалось из федерального бюджета и допустило несвоевременное исполнение своего обязательства вследствие недостаточного бюджетного финансирования [4]. Арбитражный суд Приморского края в этой связи отклонил ссылку на ст. 401 ГК РФ и указал, что отсутствие находившихся в распоряжении учреждения денежных средств нельзя было расценивать как принятие им всех мер для надлежащего исполнения обязательства с той степенью заботливости и осмотрительности, которая требовалась от него по характеру обязательства и условиям оборота, что свидетельствовало о наличии вины согласно объективному подходу.

Стоит отметить, что на практике чаще применяется объективный подход, что соответствует текущему этапу развития общественных отношений, которые характеризуются сложностью и многообразием. В судебной практике важен баланс между объективным и субъективным подходами - применение смешанной (субъективно-объективной) концепции.

Первый обеспечивает строгость и справедливость, второй учитывает личные особенности человека, его отношение к совершённым действиям.

Таким образом, проблема определения вины в гражданском праве остается одной из наиболее дискуссионных в юридической науке. Если в уголовном праве вина однозначно связывается с психическим отношением лица к деянию, то в гражданском праве ее понимание варьируется от чисто субъективного до строго объективного критерия. В последние десятилетия в доктрине сформировалась смешанная (субъективно-объективная) концепция, которая предполагает, что для установления вины причинителя вреда необходимо учитывать как субъективные факторы (психическое отношение лица к своим действиям и их последствиям), так и объективные критерии (стандарты поведения, требования разумности и осмотрительности).

Смешанная концепция вины в гражданском праве позволила бы суду учитывать все обстоятельства дела и выносить справедливое решение о возмещении вреда, учитывая как субъективное отношение причинителя вреда к своим действиям, так и объективные стандарты поведения.

Библиографический список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994 – №32 – Ст. 401; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 33 (Часть I). – Ст. 4933.
2. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. – М. – 2024. – С. 305.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова». [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс – URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30212/

(дата

обращения: 16.04.2025).

4. Решение Арбитражного суда Приморского края от 25.10.2017 по делу № А51-6887/2017. [Электронный ресурс] //Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/H2zQBMDxREol/> (дата обращения: 16.04.2025).
5. Суханов Е.А. Российское гражданское право: учебник/ Е.А. Суханов – М.– 2011. – С. 464.
6. Хужин А.М. Философские основания понятий вины и невиновности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов – 2011. – № 2. Ч. II. – С. 196–200.
7. Юрчак Е.В. Концепции вины в юридической науке // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 7. – С. 21.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 347.79:004.738.5

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЕДЕНИЯ ИНТЕРНЕТ-БЛОГА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Киреева Виктория Владимировна

Саратовская государственная юридическая академия,

Институт прокуратуры,

г. Саратов, Россия

vip.vikakireeva@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена проблеме правового регулирования блогосферы. Анализируются подходы к определению статуса блогера и регулированию их деятельности в России и странах СНГ, а также опыт США. Отмечается неэффективность попыток регулирования блогинга на основе критерия аудитории в РФ. Подчеркивается необходимость разработки комплексного законодательства, учитывающего специфику цифрового пространства и обеспечивающего баланс между свободой слова и ответственностью за распространение информации. Сделан вывод о целесообразности создания отдельного правового института, регулирующего деятельность блогеров.

Ключевые слова: Блогер, блогинг, правовое регулирование, интернет, информация, ответственность, законодательство, СМИ, социальные сети, правовой институт.

В XXI веке социальные сети стали неотъемлемой частью информационного пространства, обеспечивая быстрый доступ к огромному объему данных. Однако достоверность этой информации вызывает серьезные

вопросы. В отличие от традиционных СМИ, деятельность которых регулируется законодательно (например, Законом РФ «О средствах массовой информации»), контроль за достоверностью сведений в интернет-пространстве, особенно в блогосфере, ограничен.

Интернет-блоги, представляющие собой онлайн-дневники или сайты с пользовательским контентом, зачастую широко используются как частными лицами (для самовыражения и обмена информацией), так и организациями (в маркетинговых целях). Разнообразие тематик блогов – от личных дневников до новостных ресурсов – создает сложную картину информационного поля. Отсутствие адекватного правового регулирования сферы блогинга создает риски распространения недостоверной информации и манипулирования общественным мнением, что требует разработки эффективных механизмов контроля и ответственности блогеров за опубликованный контент, учитывая их значительное влияние на аудиторию.

В настоящее время отсутствует единое кодифицированное законодательство, регулирующее все правоотношения в сети Интернет. Действующие правовые нормы регулируют лишь отдельные аспекты функционирования сети, в основном, касающиеся технических вопросов (подключение, предоставление услуг связи и т.п.). Правовое регулирование интернет-отношений фрагментировано и осуществляется путем применения норм различных отраслей права, что создает правовую неопределенность и препятствует эффективному разрешению возникающих споров. Данная ситуация требует разработки комплексного законодательства, адаптированного к специфике цифрового пространства и способного обеспечить правовую определенность и защиту участников интернет-правоотношений.

В период с 2014 по 2017 годы в тексте статьи 10.2 Федерального закона Российской Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» термином «блогер» обозначался «владелец сайта и (или) страницы в сети «Интернет», на которых

размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трех тысяч пользователей «Интернет» [7, 6]. За три года своего существования данная норма показала свою неэффективность, в связи с чем была отменена [4].

Попытка правового регулирования деятельности блогеров в России, осуществленная посредством внесения поправок в законодательство (известных как «Закон о блогерах»), основывалась на критерии аудитории. Владельцы сайтов и страниц с ежедневной посещаемостью свыше трех тысяч пользователей подлежали регистрации в реестре Роскомнадзора и соблюдению соответствующих требований. Однако введенный реестр организаторов распространения информации в сети Интернет был признан неэффективным и в 2017 году прекратил существование.

В настоящее время в России отсутствует специальное законодательство, регулирующее сферу блогинга. Тем не менее, на блогеров распространяется действие общеправовых норм. В частности, гражданско-правовых норм об ответственности за нарушение авторских прав, административно-правовых норм о привлечении к ответственности за оскорбления или нарушения рекламного законодательства, а также уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за распространение экстремистских материалов, иначе на них будет распространяться Федеральный закон от 25 июля 2002 г., № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Отсутствие специализированного регулирования создает правовую неопределенность и требует разработки более адекватных механизмов контроля и ответственности блогеров, учитывающих специфику цифрового пространства и возрастающее влияние блогосферы на общественное мнение.

Итак, мы видим, что в Российской Федерации были совершены попытки закрепить деятельность по ведению интернет-блога на законодательном уровне, которые не увенчались успехом. Но на блогеров в любом случае действуют отдельные нормативно-правовые акты, за несоблюдение которых последние могут быть привлечены к ответственности. Сложность

законодателя в упорядочении блогинга складывается, ввиду того, что сеть «Интернет» глобальна и развивается быстрыми темпами. Для создания единого механизма правового регулирования интернет-пространства, и входящего в него блогинга необходимо изучение большого массива информации, из-за чего законодательные поправки или вносимые предложения о принятии тех или иных нормативных актов становятся попросту не актуальными. [5, с. 10].

В странах СНГ к вопросу правового регулирования этого вида деятельности подходят с точки зрения законодательства о средствах массовой информации, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Так, в статье 3 закона Республики Узбекистан от 11.12.2003 г. № 560-II «Об информатизации», понятие «блогер» определено как «физическое лицо, размещающее на своих веб-сайте и (или) странице веб-сайта во всемирной информационной сети «Интернет» общедоступную информацию общественно-политического, социально-экономического и иного характера, в том числе для ее обсуждения пользователями информации» [3]. Белорусские законодательные акты не содержат определения, раскрывающего суть понятия «блогер». Термин «блог» упоминается в пункте 8.1 статьи 1 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» в определении интернет-ресурса, а именно: «Интернет-ресурс — интернет-сайт, страница интернет-сайта, форум, блог, приложение для мобильного устройства, иной информационный ресурс (его составная часть), размещённый в глобальной компьютерной сети Интернет, посредством которых распространяется массовая информация» [1].

Действующее законодательство Казахстана рассматривает деятельность блогеров и социальных сетей в целом как обособленный объект правового воздействия, не относящийся к сфере регулирования нормативно-правовых актов о рекламе или средствах массовой информации и информационных технологий. Фактически, для правового регулирования блогинга, деятельности онлайн-платформ и публичных сообществ в законодательстве

республики формируется отдельный правовой институт. Закон Республики Казахстан от 10 июля 2023 года № 18-VIII ЗРК «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе» введен в действие 9 сентября 2023 года, в связи с чем к моменту проведения настоящего исследования правоприменительной практики для оценки эффективности его положений не сформировано [2].

В 2007 г. был внесен на одобрение Палаты представителей США законопроект Free Flow of Information Act (Закон о свободном потоке информации). Он представляет собой аналог законов по защите репортеров, действующих в 32 американских штатах. В нижнюю палату Конгресса США вносились поправки в законопроект, включив в него положения о защите блогеров. Закон приравнивал авторов интернет-блогов к журналистам и освобождал их от обязанности предоставлять по требованию первоисточники, из которых они получили информацию, за исключением некоторых случаев (тогда, когда существует угроза безопасности страны, есть вероятность смерти граждан, сведения, которые касаются коммерческой тайны, а также, если информация противоречит общественным принципам). Но в 2008 г. этот законопроект был отложен [5, с. 11].

Учитывая специфику правоотношений в сфере интернет-блогинга, целесообразно создание отдельного правового института, специально ориентированного на регулирование данной области. Существующее законодательство (РФ, США, Узбекистана и др.) регулирует отдельные аспекты интернет-отношений, однако не конкретизирует статус блогеров как самостоятельных субъектов информационного права. Динамичное развитие интернет-пространства опережает возможности законодательного регулирования. Поэтому, перед разработкой специального законодательства, регулирующего деятельность блогеров, необходимо создать устойчивую структуру правового регулирования интернет-отношений на всех уровнях – от международного до национального – учитывающую динамику развития цифрового пространства и глобальные вызовы.

Библиографический список использованных источников

1. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-3 «О средствах массовой информации». URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10800427> (дата обращения 27.04.2025).
2. Закон Республики Казахстан от 10 июля 2023 года № 18-VIII ЗРК «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000018> (дата обращения 27.04.2025).
3. Закон Республики Узбекистан от 11.12.2003 г. № 560-II «Об информатизации». URL: <https://lex.uz/docs/82956?query=Об%20информатизации> (дата обращения 27.04.2025).
4. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Законопроект №195446-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/195446-7?ysclid=lnoin4fj30549177744> (дата обращения: 27.04.2025).
5. Сравнительное правоведение в странах Азиатско-Тихоокеанского региона - XI: материалы ежегодной международной молодежной научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 17 апреля 2020 г.) / отв. ред. Ю. П. Гармаев. — УланУдэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2020. - 164 с.
6. Федеральный закон РФ от 05.05.2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201405050068.pdf> (дата обращения 27.04.2025).

7. Федеральный закон РФ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. 01.08.2014г).
URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24157>(дата обращения 27.04.2025).

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УДК 343.611

ОСОБЕННОСТИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА ЛИЦА С ЦЕЛЬЮ СКРЫТЬ ДРУГОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ИЛИ ОБЛЕГЧИТЬ ЕГО СОВЕРШЕНИЕ

Антропова Екатерина Артемовна

Студентка

ФГБОУ ВО «СГЮА»,

г. Саратов, Россия

kate_antropovaaakes@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена особенностям и проблемным вопросам, возникающим при квалификации убийства с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение. В работе проанализированы позиции ученых-правоведов, а также судебная практика по рассматриваемому вопросу. Для достижения наиболее правильной квалификации содеянного автором предложены некоторые рекомендации.

Ключевые слова: убийство; умышленное убийство; убийство с целью скрыть другое преступление; убийство с целью облегчить совершение другого преступления.

Убийство с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение является одним из квалифицирующих признаков умышленного причинения смерти другому человеку и предусмотрено п. «к» ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [6].

Повышенная опасность убийства с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение увеличена количеством совершенных преступных деяний, а также обусловлена специальной целью. Виновное лицо готово использовать любые средства и методы, в том числе убийство, для того, чтобы другое преступление осталось в тайне или же для облегчения

совершения иного преступления, которое следует понимать, как устранение препятствий, мешающих довести до конца начатое преступление, или делающих другое преступление неосуществимым.

Следует отметить, что для вменения п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ не имеет значения степень и характер общественной опасности преступного деяния, а также к какой категории в соответствии со ст. 15 УК РФ оно относится. Так, если виновный совершает убийство, чтобы скрыть совершение другого преступления небольшой или средней степени тяжести, опасность данного деяния не снижается, а также это не минимизирует общественно опасные последствия [2, с. 182]. Кроме того, для вменения рассматриваемого пункта ч. 2 ст. 105 УК РФ не имеет значения была ли достигнута цель преступления.

При этом необходимо учитывать, что при совершении убийства с целью скрыть или облегчить совершение какого-либо правонарушения, не являющегося преступным деянием, например, дисциплинарного проступка или административного правонарушения, действия виновного лица не могут быть квалифицированы по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку его умысел был направлен на сокрытие или облегчение совершения именно правонарушения, а не преступления. Поэтому в данном случае, при отсутствии иных квалифицирующих признаков убийства, действия виновного лица подлежат квалификации по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Убийство, совершенное лицом с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, вызывает некоторые вопросы у правоприменителя при квалификации данного деяния.

Одним из проблемных выступает вопрос о том, подлежит ли квалификации по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ убийство с целью сокрыть «мнимое», т.е. предполагаемое преступление, подразумевающее ошибочную оценку лицом совершаемого деяния как преступного. При квалификации данного деяния следует основываться, в первую очередь, на умысел виновного и пределы, в которых он был реализован. Не могут быть квалифицированы действия виновного по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ при совершении убийства с

целью скрыть «мнимое» преступление, поскольку преступления, которое оно желает скрыть, не существует в реальности. При этом квалифицировать убийство по ч. 1 ст. 105 УК РФ в данном случае нельзя, так как у виновного присутствовал умысел лишить потерпевшего жизни с целью скрыть другое преступление. Кроме того, данное деяние нельзя считать покушением на убийство с целью скрыть другое преступление, поскольку общественное опасное последствие в виде смерти человека все же наступило. Указанное свидетельствует о неоднозначности и подлежит глубокому исследованию.

Так, например, при изучении данного вопроса А. И. Рарог отмечал, что «при квалификации преступлений, совершенных с ошибочным предположением о наличии квалифицированных обстоятельств, которые фактически отсутствуют, допускается юридическая фикция: фактически оконченное преступление квалифицируется как покушение. Эта фикция оправдана тем, что хотя общественно опасное последствие и наступило, но все же в реальной действительности оно не сопровождалось тем квалифицированным обстоятельством, которое охватывалось сознанием виновного и которое в соответствии с направленностью умысла обосновывает усиление ответственности» [5, с. 174].

Однако, не все авторы соглашаются с данным утверждением и высказывают иную точку зрения относительно квалификации данного убийства. Так, А. Г. Бабичев утверждает, что «убийства, совершаемые с целью сокрытия или облегчения совершения любого другого преступления, в том числе мнимого, должны квалифицироваться по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ» [1, с. 108].

Проанализировав позиции некоторых авторов, можно сказать, что квалификация по ч. 3 ст. 30 и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ наиболее точно позволит учесть изначальный умысел субъекта преступления, ведь убийство совершается для достижения преступной цели – скрыть преступление, но в силу того, что данное деяние оказывается не преступным, свой умысел виновный не доводит до конца по независящим от него обстоятельствам.

При изучении вопроса о квалификации убийства лица с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, также необходимо обратиться к толкованиям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)" (далее ПП ВС РФ от 27.01.1999 № 1) [3].

Так, в п. 13 ПП ВС РФ от 27.01.1999 № 1 устанавливается, что «квалификация по п. "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ совершенного виновным убийства определенного лица с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение исключает возможность квалификации этого же убийства, помимо указанного пункта, по какому-либо другому пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающему иную цель или мотив убийства. Поэтому, если установлено, что убийство потерпевшего совершено, например, из корыстных или из хулиганских побуждений, оно не может одновременно квалифицироваться по п. "к" ч. 2 ст. 105 УК РФ».

Стоит отметить п. 5 ПП ВС РФ от 27.01.1999 № 1, который устанавливает, что «в соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ убийство двух или более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по пункту "а" ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам части 2 данной статьи, при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден».

Возникает вопрос о том, как квалифицировать деяние, если имеет место совершение двух убийств: например, лицо, совершившее убийство одного человека, после этого совершило убийство другого человека, его заставшего, в целях сокрытия первого убийства.

Так, Шумихинским районным судом Курганской области было рассмотрено уголовное дело по обвинению ФИО1 в совершении убийства, а также в покушении на убийство двух лиц, с целью скрыть другое преступление [4]. Между ФИО1, находившимся в состоянии алкогольного опьянения, и А. возникла ссора на почве сложившихся личных неприязненных

отношений. В процессе ссоры А. высказал рядом стоящей Б. свое предложение завладеть денежными средствами ФИО1 против его воли. После чего ФИО1 умышленно нанес А. удар ножом, таким образом, причинив тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни в момент причинения, состоящее в прямой причинной связи со смертью, повлекшее в последующем наступление смерти А.

Далее ФИО1 с целью скрыть преступление нанес шесть ударов ножом – Б., являвшейся очевидцем первого убийства в отношении А. Б. удалось выжить, но ФИО1, ошибочно полагая, что Б. скончалась, скрылся с места преступления, тем самым, не довел свой умысел до конца по не зависящим от него обстоятельствам.

Действия ФИО1 суд квалифицировал по ч. 1 ст. 105 УК РФ, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, ч. 3 ст. 30, пп. «а», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ – покушение на убийство, то есть умышленные действия лица, непосредственно направленные на умышленное причинение смерти двум лицам, с целью скрыть другое преступление, но по независящим от виновного причинам преступный умысел не был доведен до конца в связи с тем, что Б. удалось выжить.

Анализ приговоров позволяет сделать вывод, что вменение п «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ осуществляется чаще всего в отношении убийств, направленных на сокрытие таких преступлений как кража, грабеж, разбой, изнасилование, убийство. Следует отметить, что в большинстве случаев, в том числе в рассматриваемом выше уголовном деле, виновное лицо совершает убийство с целью скрыть другое преступление, осознавая, что потерпевший является очевидцем совершения им преступления и может сообщить об этом в правоохранительные органы и тем самым изобличить его в совершении убийства. Таким образом, основной мотив виновного лица заключается именно в страхе о его изобличении.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что в уголовном законодательстве действительно имеются свои особенности и некоторые

сложности относительно решения вопроса о квалификации такого преступления как убийства лица с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение. Правоприменителю необходимо учитывать не только фактические обстоятельства дела, но и тщательно изучать мотивы, с которыми действует виновное лицо, что позволит осуществлять наиболее правильную уголовно-правовую квалификацию содеянного.

Библиографический список использованных источников

1. Бабичев А. Г. Цель преступления как признак квалификации состава убийства. / А. Г. Бабичев // Вестник экономики, права и социологии. — 2013. — № 4. — С. 107-112.
2. Павлуцкая С. В. Спорные вопросы квалификации убийства с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение / С. В. Павлуцкая // Проблемы экономики и юридической практики. — 2009. — № 1. — С. 180-184.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) "О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)". СПС «Консультант Плюс» (Дата обращения: 26.11.2024).
4. Приговор Шумихинского районного суда Курганской области 3 марта 2021 г. № 1-125/2020 1-5/2021 по делу № 1-66/2020 // <https://sudact.ru/regular/doc/b7gxiWUqfMdx/?ysclid=m8q6kqv0xf991960902> (дата обращения: 25.04.2025).
5. Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: монография / А. И. Рарог. — Москва: Проспект, 2015. С. 174.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ США И РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ахмедов Ниджат Муталиб оглы

Студент 2 курса ВГУЮ РПА Минюста РФ,

г. Санкт-Петербург, Россия

Axmedov-nidzhat@mail.ru

Аннотация: в статье проводится сравнительный анализ федеративного устройства России и США, акцентируя внимание на исторических корнях, структуре власти и принципах децентрализации. Рассматриваются конституционные основы федерализма в обеих странах. В частности, подчеркивается, что российский федерализм формировался в условиях многонациональности и стремления к централизованному управлению, в то время как американская модель отражает баланс между федеральной и региональной властью, заложенный в Конституции 1787 года. Делается вывод о том, что различия в реализации федеративных принципов в России и США оказывают значительное влияние на политическую систему, социально-экономическое развитие и гражданское общество.

Ключевые слова: федерализм, Конституция, политическая система, власть, децентрализация, Россия, США.

Федеративное устройство/федерализм – представляется как система государственного управления, в которой административные единицы (например, регионы, штаты или провинции) обладают определённой степенью самостоятельности и правами, закреплёнными на уровне конституции. Федерализм подразумевает наличие двух уровней власти: федерального и регионального, обладающих своими полномочиями, что, в свою очередь,

позволяет учесть разнообразие интересов и потребностей разных регионов, обеспечивая единое государственное устройство [5, с.14].

В условиях глобализации и стремительных изменений в политической и экономической сферах, понимание особенностей федеративного устройства становится особенно актуальным. Целью исследования является сравнительный анализ государственного устройства двух ярких моделей федерализма России и США, с акцентом на их историческое развитие, структуру власти, принципы децентрализации и влияние на политическую систему.

Ключевой предпосылкой формирования федеративного устройства России является её многонациональное население [5, с. 14]. РФ насчитывает более 190 различных этнических групп, каждая из которых обладает уникальной культурой, языком и традициями. Сложность управления таким многообразием требовала создания системы, которая могла бы учитывать интересы различных народов и регионов. Это привело к необходимости децентрализации власти и предоставлению автономии национальным республикам (Татарстан и Башкортостан, имеют значительную степень самоуправления).

Важным этапом в становлении федеративного устройства стала реформа 1990-х годов, последовавшая за распадом Советского Союза. После распада СССР регионы начали развиваться неравномерно, появилась потребность в более гибкой системе управления, способной учитывать социально-политические изменения. Переход к рыночной экономике увеличил независимость регионов, укрепив федерализм. Местные власти получили возможность адаптировать экономическую политику, развивать местное самоуправление, а также участвовать в политическом процессе, обеспечивая представительство на федеральном уровне. В 1993 году была принята новая Конституция Российской Федерации, она закрепила федеративный принцип организации власти. Конституция РФ определила 89 субъектов федерации, что позволило обеспечить более гибкое управление и учет

региональных особенностей [5, с. 21].

В отличие от России, федерализм в США имеет свои корни в колониальном периоде, когда каждая колония имела свою законодательную власть и местные законы. Конфликты, такие как Бостонское чаепитие 1773 года, показали, как колонии стремились к большему самоуправлению, что привело к борьбе против британской короны. В 1787 году была принята Конституция США, которая разделила власть между федеральным правительством и штатами. Этот шаг стал результатом работы Конгресса Конфедерации и Филадельфийской конвенции, на которой обсуждались проблемы, возникшие из-за недостаточной координации действий между американскими штатами. Под управлением Конгресса Конфедерации штаты часто сталкивались с экономическими проблемами (например: отсутствие общей валюты, затруднявшее торговлю между штатами). Филадельфийская конвенция привела к созданию сбалансированной системы управления. Был достигнут компромисс между большими и малыми штатами благодаря созданию двухпалатного Конгресса: Сената и Палаты представителей [2, с. 4].

Конституция РФ была принята в 1993 году. Она устанавливает принцип разделения властей и определяет рамки взаимодействия между федеральным центром и её субъектами. В 3 разделе Конституции указано, какие вопросы отнесены к ведению РФ (статья 71), а какие — к совместному ведению с субъектами (статья 72) [5, с. 23]. Так, «в ведении Российской Федерации находятся»: оборона, внешняя политика, регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина и пр., а «в совместном ведении» — охрана окружающей среды, природные ресурсы, вопросы здравоохранения и образования и др. В Российской Федерации власть делится на три основных уровня: федеральный, региональный и местный [5, с. 11].

На Федеральном уровне располагаются высшие органы власти, отвечающие за принятие законов, управление экономикой и защиту прав граждан (Президент, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума) и Правительство). Региональный уровень: Россия

состоит из 89 субъектов федерации: республики, края, автономные округа, автономная область, города федерального значения и области [2, с. 65]. Каждый субъект обладает своими органами власти, включая законодательные и исполнительные структуры, уполномоченные принимать законы в рамках своей компетенции. На местном уровне действуют органы власти, которые представляют собой муниципальные образования, которые подчиняются как региональным, так и федеральным законам. Они занимаются вопросами местного самоуправления (коммунальные услуги, образование и здравоохранение).

Федеративная структура России включает двухпалатный парламент: Совет Федерации и Государственную Думу [2, с. 65]. Совет Федерации, представляющий интересы субъектов РФ, состоит из представителей от каждого региона, что позволяет субъектам участвовать в законодательстве и защищать свои интересы. Государственная Дума — нижняя палата, разрабатывает и принимает будущие законы, а также контролирует работу исполнительной власти.

В вопросах федеративного устройства Президент России имеет ряд полномочий, которые позволяют ему оказывать влияние на регионы, включая назначение губернаторов, использование административного ресурса для контроля над федеральными округами и осуществление внешнеэкономической политики. Для улучшения координации между федеральными и региональными властями были созданы Федеративные округа. Однако такая система приводит к децентрализации власти и конфликтам между Центром и субъектами федерации.

В Соединенных Штатах Америки структура власти аналогично делится на три уровня: федеральный уровень включает законодательную (Конгресс), исполнительную (Президент) и судебную (Судебная система) ветви. Конгресс отвечает за принятие федеральных законов, Президент обеспечивает их исполнение, а судебная система интерпретирует законы и разрешает споры, государственный уровень: каждый из 50 штатов наделен полномочиями и

имеет свою конституцию, законодательное собрание, исполнительную власть (губернатор) и судебную систему. Стоит отметить, что штаты могут оспаривать действия федерального правительства в судах, обеспечивая защиту их прав и интересов. Местный уровень: местные органы власти (округа и города) занимаются вопросами, касающимися местного управления: инфраструктуры, общественных услуг и безопасности.

Сенат обеспечивает равное представительство для всех штатов, поскольку в нем по два сенатора от каждого штата, независимо от его населения. Палата представителей формируется на основе численности населения, что придает больший вес интересам более густонаселенных регионов. Президент, как глава исполнительной власти, имеет значительные полномочия, включая veto по законодательным актам. Президент назначает федеральных судей и главу федеральных агентств.

В России федеративное устройство базируется на двух уровнях власти: федеральном и региональном. На уровне федерации сосредоточены ключевые функции, такие как общефедеральные налоги, оборона и внешняя политика. Региональные власти, в свою очередь, ведают местными вопросами, такими как образование, здравоохранение и экономика. Но, несмотря на формальные полномочия регионов, в последние десятилетия наблюдается тенденция к централизации власти, что снижает реальную автономию регионов [1].

Среди проблем децентрализации можно выделить следующие аспекты:

а) Неравномерное развитие регионов — некоторые регионы не имеют достаточных ресурсов для реализации своих полномочий, что ограничивает их способность эффективно управлять местными делами и обеспечивать благосостояние граждан,

б) Нехватка поддержки со стороны центра — федеральные власти стремятся сохранить контроль над регионами, подрывая основы автономии и самостоятельности субъектов федерации.

Наблюдаемая в последние годы централизация власти также создает ряд вызовов:

1) Снижение ответственности местных властей, порожденное контролем со стороны федерального центра,

2) Углубление социального неравенства ввиду частого неравномерного распределения ресурсов.

Федеративное устройство в России часто сталкивается с противоречиями между центральной властью и отдельными субъектами федерации. Существует несколько категорий факторов, способствующих возникновению этих конфликтов. Экономическая зависимость регионов: большинство региональных властей сильно зависит от федерального бюджета, как следствие, возникают конфликты по вопросам перераспределения ресурсов (получение Чечней значительной финансовой помощи из федерального бюджета). Политические амбиции: угрозу централизованной политике несут ситуации, в которых возникают конфликты, касающиеся борьбы интересов губернаторов за свои регионы.

Одним из наиболее ярких примеров кризиса федеративного устройства в России является конфликт вокруг статуса Республики Чечня. После двух чеченских войн, 1990-х, а затем 2000-х годов, центральная власть смогла установить контроль над регионом, но данный вопрос о политическом статусе все еще остается спорным [4, с. 66]. Еще одним примером может послужить кризис 2010 года, который характеризуется протестами в разных частях России, когда граждане выражали своё недовольство действиями федерального правительства [2, с. 33].

Федерализм в США укрепляет политическую систему, распределяя властные полномочия между правительствами штатов и федеральным правительством. Это позволяет различным уровням власти действовать независимо друг от друга. Примером этого является судебная практика: высшие суды каждого штата могут принимать решения, не подрывая авторитет федеральных судов. Штаты, такие как Калифорния, играют ключевую роль в защите прав граждан, вводя более строгие законы, чем федеральные. США часто играют ключевую роль в обеспечении и защите прав

и свобод граждан (защита прав сексуальных меньшинств, законопроект о контроле над оружием).

Координация действий между уровнями власти в США стала очевидной во время пандемии COVID-19, когда штаты разработали собственные стратегии борьбы с вирусом, демонстрируя гибкость федеративной системы. Программы, такие как Medicaid, позволяют федеральному правительству финансировать медицинские учреждения в штатах, что является примером эффективного взаимодействия между федеральными и местными властями.

Анализ показывает, что федеративное устройство, существующее как в России, так и в США, существенно влияет на политические процессы, демократические механизмы и взаимодействие между различными уровнями власти. Несмотря на общие принципы разделения власти, Россия и США имеют свои уникальные модели федеративного устройства, которые определяют их политическую структуру и динамику. Во-первых, федерализм в России возник из-за опасений за территориальную целостность и централизованное управление. В Соединенных Штатах же федерализм основан на принципе «сдержек и противовесов», а штаты обладают значительными полномочиями и независимостью. Во-вторых, подходы к децентрализации различаются: в России имеются проблемы с передачей власти регионам, тогда как в США децентрализация позволяет штатам экспериментировать с законодательством и политикой, что иногда приводит к успешным решениям. В-третьих, федеративное устройство влияет на политические процессы и уровень вовлеченности граждан в местное управление. В США наличие сильных штатов способствует активному участию граждан, в России уровень политической активности ниже и часто возникают конфликты между центром и регионами.

В заключение, важно отметить, что федеративные структуры России и США представляют собой две разные модели, каждая из которых имеет свои сильные и слабые стороны. Успехи и неудачи в управлении на разных уровнях власти подчеркивают важность адаптации федерализма к конкретным

условиям каждой страны. Перспективы развития будут зависеть от способности найти баланс между централизацией и децентрализацией, а также от диалога между различными уровнями власти и гражданским обществом как в России, так и в США [4, с. 23].

Библиографический список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001>.
2. Калина Владимир Филиппович Федерализм и демократия в России: итоги и перспективы // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2009. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/federalizm-i-demokratiya-v-rossii-itogi-i-perspektivy-1>.
3. Монтескье Ш. Л. О духе законов / Ш. Л. Монтескье. — Москва: Рипол Классик, 2020. — 690 с.
4. Миряева Ж. А. Разделение властей в Соединенных Штатах Америки / Ж. А. Миряева // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». — 2021. — Т. 9, № 1 (33). — С. 38–44.
5. Теория и практика федерализма: сравнительно-правовое исследование: монография / Е.А. Кремянская. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (Ун-т) МИД России, кафедра конституционного права. – М.: МГИМО-Университет, 2022. – 146 с.

ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВО КАК ВИД СОУЧАСТИЯ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Будкова Анастасия Алексеевна

ЦФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,

г. Воронеж, Россия

budkova.nastya@list.ru

Устинова Елена Павловна

ЦФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,

г. Воронеж, Россия

Ystinovaelena08@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы, связанные с правовой природой подстрекательства как вида соучастия в совершении преступления, анализируется действующее уголовное законодательство, выявляются основные риски, возникающие из-за отсутствия четких критериев классификации подстрекательских действий. Особое внимание уделяется неопределенности части 4 статьи 33 УК РФ в контексте формулировки «иным способом». Авторами также предлагается решение выявленных проблем в виде формулировки новой редакции части 4 статьи 33 УК РФ, расширяющей и конкретизирующей перечень способов подстрекательства.

Ключевые слова: уголовное право, соучастие, подстрекательство, склонение к преступлению, квалификация преступления, пробел в законодательстве.

В настоящее время представляется возможным с уверенностью утверждать, что уголовно-правовая система Российской Федерации находится в состоянии постоянной трансформации, вызванной необходимостью

адекватного реагирования на динамично изменяющиеся общественные отношения вследствие усложнения форм и способов совершения преступлений. В этой связи все более значимым становится комплексный пересмотр различных теоретических и практических аспектов института соучастия, в особенности — таких его форм, как подстрекательство, требующих повышенного внимания в условиях отсутствия должной нормативной детализации и устойчивой судебной практики.

Подстрекательство к преступлению традиционно признается одной из самостоятельных форм соучастия, представляющей собой активное поведение, направленное на склонение иного лица к совершению противоправного деяния. Так, в соответствии с частью 4 статьи 33 Уголовного кодекса Российской Федерации: «подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или иным способом» [6]. Однако, несмотря на внешнюю определенность данной формулировки, в ней заложена серьезная правовая проблема — отсутствие конкретизации содержания категории «иным способом». Вследствие чего, представляется возможным утверждать, что данная формулировка носит обобщенный характер, что, в свою очередь, приводит к значительным трудностям в правоприменительной деятельности, создавая угрозу произвольного расширительного толкования норм уголовного закона, что, на наш взгляд, является недопустимым.

Кроме того, стоит отметить, что указанная неопределенность усугубляется тем, что на сегодняшний день по данному вопросу отсутствуют как специальные разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, так и устоявшаяся судебная практика, дающая четкие ориентиры относительно допустимых способов склонения к преступлению, подпадающих под категорию «иных». Невозможность четко определить, какие именно действия могут рассматриваться в качестве «иных способов» подстрекательства, препятствует реализации главного принципа уголовного права — принципа законности, поскольку в условиях, когда конкретные действия одного лица

могут квалифицироваться как подстрекательство по усмотрению суда без ясных критериев, существенно повышается риск нарушения фундаментальных прав личности, вследствие чего представляется возможным утверждать, что актуальность темы исследования не вызывает сомнения и обусловлена не только ее высоким теоретическим значением, но и насущной практической необходимостью, поскольку в условиях растущей сложности механизмов преступной деятельности, а также в реалиях цифровой трансформации общества формируются новые формы и приемы склонения к преступлению, не вписывающиеся в классическую конструкцию «угovor — подкуп — угроза», но при этом оказывающие реальное мотивирующее воздействие.

Целью данной статьи является проведение комплексного анализа правовой природы подстрекательства как формы соучастия в преступлении, выявление проблем, связанных с отсутствием нормативной конкретизации признаков подстрекательства, особенно в части формулировки «иным способом», а также выработка научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства в данной области.

Для достижения поставленной цели в исследовании необходимо реализовать следующие задачи: провести теоретико-правовой анализ понятия подстрекательства и его признаков в уголовном праве Российской Федерации; выявить существующие проблемы, возникающие в связи с неопределенностью формулировки «иным способом»; предложить пути уточнения признаков подстрекательства в целях повышения правовой определенности, и, как следствие, обеспечения должного уровня защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Говоря об определении подстрекательства, стоит сказать, что на сегодняшний день в уголовно-правовой науке данный вопрос является дискуссионным, и непосредственно определение понятия «подстрекательство» не выработано, поскольку большая часть исследователей

конкретизирует отдельные виды подстрекательства, не выводя общего определения данного понятия.

Так, Мирзоян В.Г., не выводя четко определенного понятия подстрекательства, пишет: «Подстрекательство охватывает все случаи вовлечения кого-либо к совершению преступления. Поэтому представляется возможным, не только подстрекательство в отношении исполнителя преступления, но также и в отношении других соучастников - организатора, пособника, а также, в отношении, другого подстрекателя. Подстрекательство к любому виду соучастия должно рассматриваться как подстрекательство» [3, с.142].

Илиджев А.А., анализируя конкретную составляющую подстрекательства – склонение, отмечает: «под склонением в ч. 4 ст. 33 УК РФ следует понимать убеждение в необходимости совершить преступление. При этом содержанием убеждения является совершение преступления, а формой – устная или письменная речь, жесты, мимика, их сочетание» [1, с.62-63].

Титова О.С., отождествляя понятия «провокация преступления» и «подстрекательство», замечает: «под провокацией преступления нами предлагается понимать умышленное одностороннее действие лица, нацеленное на формирование предпосылок и условий для совершения уголовно наказуемого деяния без согласия провоцируемого в целях его последующего изобличения в совершенном им преступлении либо наступления для него неблагоприятных уголовно-правовых последствий» [4, с.131].

Весьма подробную классификацию признаков подстрекательства приводит И.А. Подройкина. В своем учебном пособии автор, хоть и не называет непосредственного определения понятия подстрекательства, определяет: «Подстрекательство должно быть таким, при котором у подстрекаемого возникла бы решимость совершить преступление и он полностью или частично ее реализовал. Поэтому подстрекательство признается состоявшимся, когда подстрекаемый совершит вмененное ему

преступление, а также когда данное преступление не будет окончено по обстоятельствам, не зависящим от лица. Сущность подстрекательства заключается в психическом воздействии на волю исполнителя с целью склонить его к совершению преступления» [5, с.252].

В целом, основываясь на приведенных определениях, можно заключить, что подстрекательство в уголовно-правой науке следует рассматривать как одну из форм соучастия в преступлении, представляющую собой умышленное, направленное и активное психическое воздействие одного лица (подстрекателя) на сознание и волю другого лица (потенциального исполнителя, пособника, организатора либо иного подстрекателя), выражающееся в целенаправленном формировании у последнего решимости к совершению конкретного преступного деяния, сопровождаемом мотивирующим влиянием, убеждением в допустимости или необходимости противоправного поведения, и реализуемом посредством словесного, письменного, невербального или иного коммуникативного способа склонения к преступлению, независимо от его внешней формы.

Кроме того, на основании проанализированных материалов и сформулированного определения представляется возможным вывести ряд признаков подстрекательства.

Прежде всего, в данной связи на наш взгляд стоит выделить такие признаки исследуемого понятия, как целенаправленность и предумышленность, поскольку подстрекатель действует с устойчивым внутренним намерением склонить другое лицо к совершению именно преступного деяния.

Другим признаком исследуемого понятия, на наш взгляд, можно считать психическую активность, то есть наличие необходимого воздействия, которое должно быть способно сформировать у подстрекаемого преступную волю, выступающую как самостоятельное, но производное решение.

Кроме того, в данной связи также нельзя не упомянуть и такой признак подстрекательства, как множественность форм выражения, поскольку в

реалиях практической действительности исследуемое понятие может быть реализовано через убеждение, уговор, подкуп, угрозу, провокацию, создание ситуационной зависимости или иные действия, способные вызвать внутреннее согласие на совершение преступления.

Также стоит отметить, что подстрекательство обладает и конкретной правовой направленностью, поскольку оно всегда сопряжено с умыслом на участие в совершении именно уголовно наказуемого деяния и не может рассматриваться в качестве такового при склонении к деяниям, влекущим наступление административной, дисциплинарной либо гражданско-правовой ответственности.

Сущность подстрекательства, по нашему мнению, заключается не в физическом участии в совершении преступления, а в инициировании чужой преступной деятельности через влияние на волевую сферу лица, обладающего уголовной дееспособностью, при этом подстрекатель осознанно отдает себе отчет в общественной опасности последствий и стремится к их наступлению либо сознательно допускает их возможность. На наш взгляд, именно данное обстоятельство позволяет квалифицировать подстрекательство как полноценную форму соучастия, независимо от того, было ли преступление доведено до конца, пресечено либо осталось на стадии приготовления или покушения.

В целом, как уже отмечалось выше, одной из наиболее острых проблем современного уголовного права применительно к институту подстрекательства на сегодняшний день является неопределенность законодательной формулировки «иным способом», содержащейся в части 4 статьи 33 Уголовного кодекса Российской Федерации. Данная формулировка, не будучи раскрытой ни в самом законе, ни в его официальных разъяснениях, на практике порождает широкий спектр трудностей — от произвольного расширительного толкования до риска возникновения судебных ошибок, подрывающих доверие общества к судебной системе и государству в целом, вследствие чего правоприменительные риски, вытекающие из формулировки

«иным способом», следует признать не абстрактной теоретической угрозой, а реальной практической проблемой, с которой сталкиваются как органы предварительного расследования, так и суды, поскольку в условиях отсутствия четких критериев квалификации тех или иных действий в качестве подстрекательства, квалифицируемого как совершенного «иным способом», складывается ситуация, при которой правоприменитель вынужден заполнять нормативный вакуум. Такая ситуация создает риск расширительного толкования уголовного закона, что прямо противоречит конституционному принципу *nullum crimen sine lege* (нет преступления без указания в законе), закрепленному в статье 54 Конституции Российской Федерации [2].

По нашему мнению, наиболее проблемный в данной связи является тот факт, что наличие неопределенной категории «иной способ» позволяет включать в состав подстрекательства практически любые формы поведения лица, которые в ином контексте, не связанным с совершением преступного деяния, могли бы трактоваться как нейтральное или даже правомерное поведение. Так, например, выражение сочувствия к лицу, обдумывающему совершение преступления, обсуждение гипотетических сценариев совершения преступления (например, в рамках учебной дисциплины), демонстрация сцен насилия в художественной форме, и так далее, могут быть восприняты следствием или судом как действия, направленные на склонение к преступлению, ввиду чего представляется возможным заявить о том, что в данной связи возникает опасность криминализации речевых и поведенческих актов, не содержащих достаточной степени общественной опасности и не сопровождаемых прямым умыслом на вовлечение того или иного лица в преступную деятельность.

Кроме того, стоит отметить, что дополнительную проблему в данной связи также представляет и сложность доказывания подстрекательства, совершенного «иным способом», без наличия четко определенных нормативных ориентиров, поскольку, в отличие от формального подстрекательства, выраженного в словесном уговоре, угрозе или подкупе,

доказывание «иных» форм склонения требует высокой степени доказательственной точности, наличия четкой причинно-следственной связи между действием подстрекателя и решимостью подстрекаемого, однако в реалиях современной практической действительности эта связь нередко оказывается размыта.

Также нельзя не отметить, что возможность произвольной квалификации действий в контексте подстрекательства особенно ярко проявляется в случаях, когда доказательная база опирается преимущественно на интерпретацию высказываний или поведения подстрекателя, например, когда в качестве подстрекательства к преступлению квалифицируется такое деяние, как, например, публикация неоднозначных сообщений в мессенджерах, либо участие в обсуждениях, содержащих «радикальные идеи», в результате чего, по нашему мнению, происходит подмена объективных признаков состава субъективными оценочными суждениями дознавателя, следователя или судьи, что, на наш взгляд, нарушает один из фундаментальных принципов уголовного права, а именно принцип законности.

В целом, для решения всех вышеописанных проблем представляется необходимым устранение существующей правовой неопределенности, путем проведения системной законодательной реформы, направленной на повышение качества уголовно-правовой регламентации института соучастия, поскольку, как следует из результатов исследования, современное состояние нормы не удовлетворяет требованиям юридической точности, что негативно сказывается как на эффективности борьбы с преступностью, так и на обеспечении гарантий прав и свобод личности.

Прежде всего, в данной связи, по нашему мнению, необходимо внести изменения в диспозицию части 4 статьи 33 Уголовного кодекса Российской Федерации, исключив из нее неопределённую и оценочную формулировку «иным способом». Вместо нее следует закрепить расширенный, но одновременно конкретизированный перечень форм подстрекательства,

способных вызвать у подстрекаемого решимость к совершению преступления. К числу таких форм целесообразно отнести не только прямое склонение к преступлению путём уговора, подкупа, угрозы или приказа, но и иные коммуникативные воздействия, обладающие высокой внушающей силой и целенаправленно воздействующие на морально-волевой компонент сознания подстрекаемого.

В качестве практической реализации данной меры предлагаем внести изменения в УК РФ, изложив часть 4 статьи 33 в редакции следующего содержания: подстрекателем признается лицо, которое умышленно, путем уговора, подкупа, угрозы применения насилия, злоупотребления доверием, внушения, манипулирования, провоцирования, введения в заблуждение, формирования искаженного восприятия правомерности деяния, создания условий психологического давления или иного осознанного и целенаправленного воздействия на психику, волю или эмоциональное состояние другого лица, склоняет его к совершению конкретного преступного деяния. Подстрекатель несет уголовную ответственность за подстрекаемое преступление независимо от того, выразилось ли его воздействие в устной, письменной, визуальной, поведенческой либо иной форме коммуникации, если установлено, что в результате такого воздействия у подстрекаемого возникло намерение совершить преступление, реализованное полностью или частично. В случае, если данная формулировка будет значительно увеличивать объем статьи и тем самым, усложнять ее применение и понимание, мы предлагаем издать Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации о применении уголовно-правовых норм в области преступлений с соучастием, которое будет лаконично и конкретно устанавливать границы в применении статьи 33 УК РФ.

Подводя итог исследования, отметим, что в настоящий момент институт подстрекательства как формы соучастия в преступлении продолжает оставаться одной из наименее урегулированных и в то же время значимых составляющих уголовного права. Современное законодательство, несмотря на

формальное закрепление признаков подстрекательства в статье 33 УК РФ, содержит пробел в части формулировки «иным способом», что порождает существенные сложности в установлении подстрекательства в реалиях практической действительности. Рассмотренные в работе проблемы выявили необходимость проведения концептуальной реформы уголовного законодательства в части подстрекательства. Предлагаемая в работе редакция части 4 статьи 33 УК РФ с конкретизацией форм подстрекательского воздействия или издание Постановления Пленума Верховного суда, по нашему мнению, позволит устранить существующий пробел в уголовном законодательстве, что, на наш взгляд, будет иметь положительное влияние на формирование качественной правоприменительной практики.

Библиографический список использованных источников

1. Илidgeв А. А. Юридическая природа преступлений подстрекателя и их отражение в Особенной части УК РФ / А. А. Илidgeв // Юрист-Правоведь. – 2021. – № 3(98). – С. 59-64.
2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [электронный ресурс] – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 30.03.2025).
3. Мирзоян В. Г. Понятие подстрекательства к совершению преступления в УК Российской Федерации и зарубежных стран / В. Г. Мирзоян // Общество и право. – 2009. – № 4(26). – С. 142-145.
4. Титова А. С. Провокация преступления в уголовном праве: исторический анализ и зарубежный опыт / А. С. Титова // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 9(130). – С. 124-132.
5. Уголовное право. Общая часть. Семестр I: учебник для вузов / ответственные редакторы И. А. Подройкина, Е. В. Серегина,

С. И. Улезько. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 307 с.

6. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) [электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 29.03.2025).

**НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА, КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО,
ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ**

Лохман Елизавета Владимировна

ЦФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,

г. Воронеж, Россия

elizaveta.lokhman@mail.ru

Деньгоф Аделина Викторовна

ЦФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»,

г. Воронеж, Россия

adelina.dengoff.05@bk.ru

Аннотация: Данная работа посвящена актуальной проблеме правоприменения в контексте необходимой обороны. Неясность в определении границ между законной необходимой обороной и ее превышением создает значительную проблему в правоприменительной практике. Автор подчеркивает необходимость более чёткого законодательного определения критериев необходимой обороны, а также уделить особое внимание соразмерности ответных действий, особенно в случаях явного дисбаланса сил между нападающим и обороняющимся.

Ключевые слова: необходимая оборона, пределы необходимой обороны, правомерное причинение вреда при необходимой обороне, статья 37 УК РФ, право на защиту.

Защита прав и свобод человека – безусловный приоритет государства, являющийся основой политической деятельности и гарантией безопасности граждан России. Обеспечение и повышение уровня этой защиты, включая

защиту от угроз и посягательств со стороны третьих лиц, является ключевой задачей власти и отражает её обязательство перед населением.

Независимо от национальности, должности, социального статуса или места жительства, каждый гражданин России имеет равное право на необходимую оборону, гарантированное статьей 37 УК РФ [4]. Это право на защиту от противоправных посягательств является универсальным и основано на принципе равенства перед законом. Правомерность действий по необходимой обороне определяется соответствием условиям, установленным уголовно-правовой доктриной: защита должна быть адекватной угрозе и не выходить за пределы разумной необходимости, обеспечивая баланс между правом на самозащиту и соблюдением законности.

Часто возникающие на практике ситуации, когда необходимо отличать необходимую оборону от преступлений, становятся предметом интенсивного изучения как в юридической науке (с многочисленными исследованиями критериев разграничения), так и в деятельности правоохранительных органов. Сложность дифференциации этих двух категорий обуславливает актуальность и масштабность проводимых исследований.

Сложности в правовой квалификации деяний, совершенных в состоянии необходимой обороны, возникают из-за размытости самого понятия необходимой обороны. Это связано как с нечеткостью границ допустимого применения силы при отражении посягательства, так и с субъективным характером оценки ситуации лицом, применяющим оборону, что объективно затрудняет установление соответствия действий критериям необходимой обороны [1, С.33].

Так, статья 37 УК РФ, определяющая право на необходимую оборону, разрешает причинение вреда атакующему, даже если это формально преступно, но неясно определяет границы между допустимой самообороной и её превышением. Эта правовая неопределённость, обусловленная отсутствием чётких критериев, позволяет субъективную оценку действий обороняющегося, делая исход судебного разбирательства непредсказуемым и

создавая сложности в квалификации действий, совершенных в состоянии необходимой обороны.

Отметим, что судебное определение границ допустимой необходимой обороны затруднено необходимостью балансирования между защитой основополагающих прав человека (жизни, здоровья, половой неприкосновенности, как собственных, так и близких) и потенциальным превышением необходимых мер самообороны. Тщательный анализ всех обстоятельств дела, с учётом сопоставления защищаемых интересов и причиненного вреда, необходим для объективной оценки действий, совершенных в состоянии необходимой обороны, и определения, соответствовали ли они законным рамкам самозащиты или вышли за их пределы. Сложность заключается именно в этом тонком балансе между защитой фундаментальных прав и потенциальным причинением вреда.

Трудность квалификации необходимой обороны заключается в необходимости кропотливого анализа всех обстоятельств дела, включая мельчайшие детали, для точного отличия её от неосторожного преступления. Неполнота картины преступления, часто препятствующая объективной оценке ситуации, затрудняет как правильную квалификацию деяния, так и назначение справедливого наказания [2, С.45].

Статья 37 УК РФ, предоставляющая право на необходимую оборону даже при превышении её пределов в случае неожиданного нападения или невозможности оценки степени опасности, на практике сталкивается с трудностями применения. Быстротечность неожиданных нападений делает практически невозможным их однозначное доказательство и отличие от ожидаемых. Ситуация осложняется стрессовым состоянием жертвы, которое может исказить восприятие момента завершения нападения, приводя к продолжению причинения вреда нападающему уже не в целях самообороны, а из желания причинить ему вред здоровью или жизни, что влечёт за собой изменение квалификации преступления.

На наш взгляд, при решении дел о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ), суд должен, прежде всего, учитывать приоритет защиты жизни и здоровья обороняющегося и его близких, отдавая предпочтение показаниям лица, не инициировавшего нападение. Действия обороняющегося, часто совершаемые в состоянии аффекта, вызванного внезапной угрозой, могут быть инстинктивными и нерациональными, направленными на немедленное пресечение опасности, даже если это причиняет нападающему значительный вред. Поэтому, оценивая правомерность действий, суд обязан всесторонне изучить обстоятельства, исходя из презумпции правомерности необходимой обороны и принимая во внимание влияние стрессовой ситуации на принятие решений обороняющимся. Судебное решение должно основываться на объективных фактах и законе, приоритетно защищая право на жизнь и здоровье в условиях внезапного нападения.

Таким образом, судебная квалификация «неожиданности» и «явной угрозы жизни» — это сложный процесс, не допускающий упрощенного подхода. Решение суда выносится на основе глубокого анализа конкретных обстоятельств каждого дела, учитывая все факторы: мотивы действующих лиц, степень реальной опасности для жизни, а также множество других нюансов. Поскольку эти понятия оценочные, их трактовка не может быть однозначной и зависит от уникального сочетания деталей каждой ситуации.

Следовательно, справедливое разрешение дела напрямую зависит от беспристрастности и профессионализма следователей и судьи, которые должны тщательно и объективно изучить все детали, беспристрастно проанализировать доказательства, учитывая при этом возможные субъективные факторы. Ввиду предположения об отсутствии у подсудимого преступного умысла и возможной самообороны (защиты прав, интересов, жизни и здоровья себя или близких), обвинительный приговор возможен только при наличии неоспоримых и веских доказательств вины. Решение должно основываться не только на формальных доказательствах, но и на глубоком понимании контекста ситуации, включая анализ соответствия

действий подсудимого закону и морали, а также оценку возможности применения альтернативных методов защиты до использования средств, ставших предметом обвинения. Только такой комплексный подход гарантирует справедливый и законный исход дела.

Также, при проведении анализа и исследования данной категории дел необходимо акцентировать внимание на цели изначального преступного акта. Если будет установлено, что нападение было нацелено на жизнь и здоровье человека, и это будет подтверждено, то всю ответственность за совершенное преступление следует возложить исключительно на агрессора, а не на жертву.

Но стоит все-таки уделить внимание проблемному аспекту, заключающемуся в определении реальности посягательства. Так, закон о необходимой обороне (ч. 2 ст. 37 УК РФ) защищает лишь действия, предпринятые при реальной угрозе жизни и здоровью. Однако, в стрессовой ситуации внезапного нападения оценка реальности угрозы может быть затруднена для жертвы, что может привести к применению силы в ситуации, которая субъективно воспринимается как угрожающая, но объективно таковой не является. Судебная практика (Постановление Пленума Верховного Суда РФ), определяя понятие «мнимой обороны», указывает на возможность ошибочной оценки ситуации обороняющимся лицом, когда при отсутствии реальной угрозы жизни и здоровью, применение мер самообороны квалифицируется как превышение пределов необходимой обороны или даже как преступление [3].

Таким образом, для повышения правовой определённости и обеспечения единообразного применения законодательства о необходимой обороне предлагается внести изменения в статью 37 Уголовного кодекса РФ. Эти изменения должны заключаться в кодификации критериев необходимой обороны, сформулированных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27 сентября 2012 года «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

А также стоит обратить внимание на соразмерность при применении необходимой обороны. Например, в ситуации явного физического неравенства сторон, например, когда худенькая девушка подвергается угрозе со стороны значительно превосходящего её по силе и росту мужчины, применение жертвой оружия для самозащиты должно рассматриваться как крайняя необходимость и, следовательно, как оправданная самооборона, вне зависимости от наступивших последствий. Для исключения любых двусмысленных толкований и обеспечения объективной правовой оценки таких событий необходимо дать однозначные определения всем неопределённым терминам, используемым в Уголовном кодексе РФ, касающимся самообороны, превышения пределов необходимой обороны, пропорциональности применения силы и других релевантных понятий.

Таким образом, проблема необходимой обороны в уголовном праве России требует четкой регламентации. Сложность ситуации усугубляется тем, что в момент нападения человек может действовать инстинктивно и не всегда способен контролировать свои действия, поэтому, учитывая эмоциональное состояние жертвы и обстоятельства дела, суд должен проявлять гибкость и учитывать все детали происшествия. Необходима также законодательная доработка норм, касающихся необходимой обороны, с целью четкого определения критериев, которые позволят суду однозначно интерпретировать ситуации, связанные с применением силы в целях самозащиты.

Библиографический список использованных источников

1. Гарикова М. Д. Проблемы квалификации при применении необходимой обороны спорные вопросы и их решения // Юридические науки. – 2021. - № 6. – С. 45-61.
2. Комиссаров А. Ф. Необходимая самооборона, или Когда преступник и жертва меняются местами — [Электронный документ] Гарант.ру <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/komissarov/655817/> (Дата обращения: 22.02.2024).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета. - № 227. – 2012.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. - 1996. - № 25. - ст. 2954.

ФОРМЫ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Никитцева Виктория Сергеевна

студентка Центрального филиала РГУП имени В.М. Лебедева,
г. Воронеж, Россия,
viktorianikitceva0863@mail.ru,

Шаркова Дарина Валерьевна

студентка Центрального филиала РГУП имени В.М. Лебедева,
г. Воронеж, Россия,
sharkovadarina@yandex.ru

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются актуальные вопросы института соучастия в преступлении по российскому уголовному праву. Авторы исследуют проблемы разграничения видов соучастия, а также их роль в определении меры уголовной ответственности. Подчёркивается значение института соучастия для правоприменительной практики и борьбы с групповой преступностью.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, формы соучастия, умышленное преступление, группа лиц, уголовное право, квалификация преступлений, судебная практика, Уголовный кодекс РФ.

Соучастие представляет собой один из наиболее трудных и неоднозначных институтов в Общей части уголовного права. Этот институт включает в себя значительный объем правовых норм, изучение которых имеет огромное значение в современном обществе, так как преступления, совершаемые не одним человеком, а группой лиц, объединенных общей целью, представляют собой повышенную опасность для безопасности личности и общества в целом. Для разработки действенных мер по борьбе с

такими преступлениями необходимо основательное и всестороннее исследование института соучастия в уголовном праве.

В статье 32 Уголовного кодекса Российской Федерации приводится юридическое определение «соучастия в преступлении» [4]. Согласно этой норме права, соучастием считается совместное умышленное участие двух или более лиц в совершении умышленного деяния, за которое уголовным законом предусмотрена ответственность.

При анализе законодательного определения соучастия обращает на себя внимание двукратное использование термина «умышленное». Это не случайность, а осознанное решение законодателя, позволяющее выделить ключевые признаки, определяющие соучастие в преступлении.

Во-первых, в преступном деянии должны участвовать как минимум два человека. Во-вторых, их действия должны быть скоординированы и совместны, а в-третьих, носить умышленный характер. И, наконец, в-четвертых, соучастие возможно только в совершении умышленного преступления.

Эти признаки являются одновременно общими и необходимыми для любой формы совместной преступной деятельности. Следовательно, определение соучастия, представленное в указанной статье, носит универсальный характер и охватывает все ситуации, когда одно и то же преступление совершается объединенными усилиями двух или более лиц.

Согласно ч. 1 ст. 33 УК РФ, соучастниками преступления, помимо исполнителя, являются организатор, подстрекатель и пособник. Признаки соучастия делятся на объективные (количественные и качественные) и субъективные (умысел преступления и соучастия). Несмотря на законодательное определение «соучастия», его трактовка остается дискуссионной.

Сговор участников преступления предполагает их общее вовлечение в совершение одного и того же противоправного деяния. При этом между поступками каждого из них и итоговым результатом должна прослеживаться

причинно-следственная взаимосвязь. Последствия же, возникшие в результате преступления, считаются общими для всех лиц, участвовавших в его совершении.

Наступление общего преступного результата — второй объективный признак соучастия, характерный только для преступлений с материальным составом. Он достигается совместными усилиями всех соучастников, приводя к единому преступному последствию.

К субъективным же признакам отнесены такие, как:

- совместность умысла соучастников;
- участие в совершении умышленного преступления.

Совместность умысла означает психологическую общность и субъективную связь между соучастниками, выражающуюся в их намерении сообща совершить преступление. Такое объединение возможно только с прямым умыслом. Организатор, подстрекатель и пособник осознают действия исполнителя, а исполнитель — их вклад в преступление.

Соучастие возможно исключительно в умышленных преступлениях, что выступает вторым субъективным признаком соучастия. Общественно опасные последствия, причинённые совместными неосторожными действиями двух и более лиц, не образуют соучастия.

Классификация соучастия по формам и видам является одной из наиболее сложных проблем теории соучастия. Научная литература освещает формы и виды соучастия весьма путано и противоречиво, нередко отдавая предпочтение оригинальности концепций в ущерб их практической применимости. Противоречивость взглядов учёных отрицательно сказывается на судебной практике, где нередко возникают ошибки при определении формы соучастия.

Под формой традиционно понимается внешнее выражение деятельности соучастников, под видом — внутреннее. Однако некоторые ученые не используют понятие «виды соучастия», выделяя только формы, на основании сразу двух критериев - объективного (способ взаимодействия соучастников) и

субъективного (степень согласованности их действий), то есть содержание категории «вид соучастия» включаются в содержание категории «форма соучастия» [3, с. 57].

В последнем случае обычно выделяется четыре формы соучастия, закрепленные в ст. 35 УК РФ: «группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация)».

Мы считаем, что классификация форм соучастия должна быть максимально полной и предоставлять юристам всесторонний перечень реализуемых на практике сценариев соучастия. Более того, исключение термина "вид соучастия" противоречит устоявшейся в доктрине уголовного права традиции, в рамках которой термины "форма" и "вид" взаимодополняют друг друга, углубляя понимание норм, регулирующих институт соучастия.

Среди форм соучастия некоторые специалисты выделяют, в частности:

- 1) соучастие с распределением ролей («сложное соучастие»);
- 2) соисполнительство (охватывающее группу лиц и группу лиц по предварительному сговору);
- 3) организованную группу;
- 4) преступное сообщество [2, с. 157].

Нам кажется сомнительным предлагаемое отдельными учёными объединение групп лиц и групп лиц по предварительному сговору в единую форму соучастия под названием «соисполнительство», поскольку между этими формами есть принципиальное юридическое различие — их преступная деятельность предполагает различную уголовно-правовую квалификацию. Например, грабеж, совершённый группой лиц без предварительного сговора, квалифицируется по части 1 статьи 161 УК РФ, а грабеж, совершённый группой лиц по предварительному сговору, — по пункту «а» части 2 статьи 161 УК РФ.

По характеру выполнения объективной стороны преступления соучастие делится на два вида: простое (соисполнительство) и сложное

(соучастие с распределением ролей). По уровню согласованности выделяют четыре формы: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество [1, с. 157].

В концепции "форм соучастия" мы исходим из следующей дефиниции: это определенные Общей частью Уголовного кодекса РФ модели совместного совершения преступления, отличающиеся типами взаимодействия соучастников и структурой группы. Они имеют ключевое значение для уголовного права, являясь основными технико-юридическими элементами, применяемыми при создании статей Особенной части УК РФ.

Различные формы соучастия свидетельствуют об уровне общественной опасности деяния, требуют специфических подходов к квалификации и оказывают воздействие на определение меры наказания.

Прежде всего, следует отметить, что формы соучастия предоставляют законодателю инструмент для градации уголовной ответственности, позволяя создавать составы преступлений, отличающиеся по степени общественной опасности. Это является их ключевой функцией. К примеру, усечённые составы, где преступный сговор сам по себе считается окончательным преступлением (например, ч. 1 ст. 205.4 УК РФ — создание террористического сообщества), а также квалифицированные составы, усиливающие ответственность за групповые преступления (например, п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ — убийство группой лиц, по сговору или организованной группой).

Во-вторых, формы соучастия имеют существенное значение для правильной квалификации преступлений, осуществляемой правоприменительными органами. Важно подчеркнуть, что вопросы квалификации преступлений, совершенных группой лиц или при наличии иных форм соучастия, представляют собой одну из наиболее сложных задач в уголовном праве.

Положения главы 7 УК РФ («Соучастие в преступлении») применимы к отдельным видам соучастия, поскольку все составы преступлений Особенной части соответствуют легальному определению соучастия (ст. 32 УК РФ):

умышленное совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления. Судебная практика также рассматривает групповые преступления исключительно через призму соучастия.

Таким образом, соучастие в преступлении представляет собой сложную систему, обладающую качественно новыми характеристиками и возможностями, которые отличаются от простой суммы свойств, входящих в неё компонентов — соучастников. Российская уголовно-правовая система реализует природу ответственности соучастников через акцессорный принцип и принцип самостоятельной ответственности, которые взаимно дополняют друг друга.

Значимость института соучастия в преступной деятельности заключается в том, что само по себе совершение преступления совместными усилиями увеличивает общественную опасность преступления.

Библиографический список использованных источников

1. Иванов Н.Г. К вопросу о понятии группы в российском уголовном праве // Государство и право. 2020. № 11, – 181 с.
2. Клименко Ю.А. Классификация соучастия: формы, виды, значение для уголовно-правовой оценки преступления // Lex Russica. 2016. №5 (114). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-souchastiya-formy-vidy-znachenie-dlya-ugolovno-pravovoy-otsenki-prestupleniya> (дата обращения: 15.04.2025).
3. Неверов А.Я. Классификация соучастия: формы, виды, значение для уголовно-правовой оценки преступления в РФ / А. Я. Неверов, И. А. Тупикин // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2023. – № 1. – С. 57-62.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ", 17.06.1996, N 25, ст. 2954.

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЖИЗНЕННОГО
ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИИ**

Павлова Валерия Антоновна

Студентка 2 курса юридического факультета (специалитет),
ФГБОУ Российский государственный университет правосудия
им В.М. Лебедева Центральный филиал,
г. Воронеж, Россия

Распопова Виктория Олеговна

Студентка 2 курса юридического факультета (специалитет),
ФГБОУ Российский государственный университет правосудия
им В.М. Лебедева Центральный филиал,
г. Воронеж, Россия

Научный руководитель:

Кулакова Н.Г.

доцент кафедры уголовного права,
кандидат юридических наук, доцент
ФГБОУ Российский государственный университет правосудия
им В.М. Лебедева Центральный филиал,
г. Воронеж, Россия

Аннотация: пожизненное лишение свободы представляет собой строгое наказание, которое назначается за особо тяжкие преступления. В соответствии с законодательством, срок такого наказания начинается с момента, когда приговор суда обретает законную силу, и продолжается до момента смерти осужденного. На сегодняшний день система пожизненного лишения свободы является одной из наиболее сложных и многогранных в уголовном праве, при

этом её применение сопровождается рядом сложностей, требующих нахождения оптимальных решений.

Ключевые слова: пожизненное лишение свободы, уголовное наказание, Уголовный кодекс, осужденный, преступление, Уголовно-исполнительный кодекс, жертва.

Согласно статье 44 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), законодательством предусмотрено 13 видов наказаний, одним из которых является пожизненное лишение свободы. [8]. В российское законодательство пожизненное лишение свободы было введено Указом Президента РФ от 17 декабря 1992 года. Данный указ предоставлял Президенту право заменять смертную казнь на пожизненное заключение в случаях помилования осужденных, приговоренных к высшей мере наказания. Таким образом, пожизненное лишение свободы стало важным инструментом в системе уголовного правосудия, отражающим гуманизацию наказаний в Российской Федерации.

Однако в процессе применения данного вида наказания можно выделить несколько проблем.

Первая проблема — психологический аспект. В соответствии со ст. 127 УИК РФ осужденные к пожизненному лишению свободы размещаются в камерах, как правило, не более чем по два человека. Однако в определенных ситуациях, таких как личная просьба осужденного или возникновение угрозы для его безопасности, администрация исправительного учреждения может принять решение о переводе осужденного в одиночную камеру. Такая практика, с одной стороны, направлена на обеспечение безопасности и учет индивидуальных обстоятельств у осужденных, но с другой — создает дополнительные сложности. Длительное одиночное содержание негативно сказывается на психическом состоянии человека, усиливая чувство изоляции, способствуя развитию депрессивных состояний и других психологических проблем. Это ставит перед системой исполнения наказаний задачу поиска

баланса между обеспечением безопасности и сохранением психического здоровья осужденных. [9].

Вторая проблема заключается в отсутствии социальной справедливости. Социальная напряженность усиливается, когда возникает вопрос об этичности содержания на длительный срок таких преступников, как убийцы, насильники и педофилы, за счет средств, предоставляемых налогоплательщиками, среди которых могут быть и родственники жертв. Кроме того, становится все более популярной гражданская инициатива, которая поднимает вопрос о финансовых затратах государства на содержание осужденных к пожизненному лишению свободы, которые могли бы быть направлены на поддержку наиболее важных социальных сфер, таких как здравоохранение, образование, спорт и прочие.

Третья проблема касается альтернативы смертной казни. В современном обществе активно обсуждается вопрос о необходимости отмены моратория на исполнение смертных приговоров в России, о том, насколько эффективно пожизненное лишение свободы может заменить эту исключительную меру наказания, и о гуманности такого решения в целом. Этот вопрос вызывает полярные мнения. [3, с. 501].

Дискуссия о переходе от смертной казни к пожизненному лишению свободы вызывает противоречивые мнения. Подройкина И. А. и Улезько С. И. отмечают, что преступники, приговорённые к пожизненному лишению свободы, на всю жизнь обречены на страдания, но с другой стороны — им предоставлена возможность сохранить жизнь.

В настоящее время в России среди законодателей отсутствует единая позиция относительно возможности замены или полной отмены смертной казни на пожизненное лишение свободы. Сторонники такого подхода аргументируют свою позицию экономической целесообразностью, отмечая, что осужденные, выполняя трудовую деятельность на протяжении длительного срока, могут приносить доход государству. Однако эта точка зрения встречает сопротивление со стороны налогоплательщиков и

родственников жертв тяжких преступлений, которые считают, что подобное наказание недостаточно строгое для лиц, совершивших особо опасные деяния. [1, с. 25].

Кроме того, важным аргументом в пользу замены смертной казни на пожизненное заключение является возможность исправления судебных ошибок. В случае вынесения ошибочного приговора пожизненное лишение свободы позволяет пересмотреть дело и восстановить справедливость, что невозможно при применении смертной казни. Также стоит отметить, что сама по себе смертная казнь противоречит принципам гуманности и уважения к человеческой жизни, что делает её применение этически спорным в современном обществе. Таким образом, вопрос о замене смертной казни на пожизненное заключение остается дискуссионным, затрагивая как правовые, так и моральные аспекты.

Несмотря на абсолютную правильность и обоснованность позиций о том, что пожизненное лишение свободы не уступает по своей суровости смертной казни, стоит обратить внимание и на тот факт, что в данном случае государство не забирает жизнь человека безвозвратно. Все это дает возможность и вероятность исправления ошибок, возникающих в ходе расследования преступления и осуждения лица. Это различие можно считать ключевым, и, возможно, единственным, между казнью и пожизненным лишением свободы, хотя их общая цель – обеспечить безопасность общества от самых жестоких преступников. [4, с. 259].

Когда речь заходит о лицах, подлежащих наказанию в форме пожизненного лишения свободы, сложно ожидать их полного исправления. Необходимо признать правоту тех экспертов, которые убеждены в том, что осужденные к пожизненному лишению свободы лица не обладают возможностью к полному исправлению (или, по меньшей мере, их возвращение к нормальной жизни в рамках российской системы представляется крайне затруднительным). [5, с. 89].

К сожалению, судебная практика свидетельствует о том, что в большинстве случаев такие лица действительно не имеют мотивации на исправление и продолжение нормальной жизни в обществе. Вопрос, вызывающий в научной литературе дискуссии об оправданности и целесообразности сохранения за такими осужденными права на освобождение, является риторическим, поскольку однозначного решения, имеющего универсальный характер, объективно разработано быть не может.

Существует ряд индивидуальных характеристик, которые судьи принимают во внимание при вынесении вердикта. Особое внимание следует уделить уникальной угрозе для общества, представляемой преступником. В этом контексте, Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 22 декабря 2015 года №58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» подчеркивает, что при вынесении приговора о пожизненном лишении свободы, суд обязан тщательно рассмотреть индивидуальные детали дела и данные о личностных чертах обвиняемого. [7].

В Апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31.08.2016 № 55-АПУ16-4 дается разъяснение по спорному вопросу, касающемуся пересмотра материалов уголовного дела. По приговору суда гражданин был признан в похищении и убийстве двух малолетних лиц, заведомо для виновного находящихся в беспомощном состоянии. Гражданин требовал пересмотра дела и снижения уголовного срока на основании того, что признает себя виновным частично. Апелляционные жалобы остались без удовлетворения. Виновность гражданина в совершении преступлений доказана совокупностью предоставленных в материалах дела и исследованных в судебном заседании доказательств, которым судом в приговоре дана правильная оценка. [2].

Таким образом, при вынесении приговора о пожизненном лишении свободы суд обязан тщательно оценить степень общественной опасности подсудимого, признавая её исключительной. Кроме того, суду необходимо

исследовать наличие или отсутствие обстоятельств, которые могут препятствовать назначению данного вида наказания. Особое внимание должно уделяться выбору типа исправительного учреждения, где осужденный будет отбывать наказание, поскольку этот фактор напрямую влияет на условия содержания и возможность реализации прав осужденного. Такой индивидуализированный подход при назначении пожизненного лишения свободы позволяет обеспечить справедливость и соответствие наказания тяжести совершенного преступления, а также минимизировать риски, связанные с исполнением столь строгой меры воздействия. [6, с. 74].

Вопрос об оправданности и целесообразности сохранения за такими осужденными права на освобождение, является риторическим, поскольку однозначного решения, имеющего универсальный характер, объективно разработано быть не может. Однако совершенно очевидной видится необходимость оценивать исправление осужденных и делать прогноз рецидивного риска с обязательным учетом психологической особенности этой категории лиц.

Библиографический список использованных источников

1. Актуальные проблемы Особенной части уголовного права. Учебник. / под ред. Подройкина И. А., Улезько С. И. — Москва: Проспект. 2020. — 768 с.
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31.08.2016 № 55-АПУ16-4 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Белоглазова А.С. Пожизненное лишение свободы в РФ и зарубежных странах / А.С. Белоглазова // Аллея науки. - 2021. - № 5 (56). - С. 499-503.
4. Галанина К.Ю. Правовая природа и реализация пожизненного лишения свободы / К.Ю. Галанина // Закон. Право. Государство. - 2021. - № 2 (30). - С. 258-262.
5. Галяутдинов Р.Р. Аминова Г.Р. Генезис института пожизненного лишения свободы, признаки и соотношение со смертной казнью / Р.Р. Галяутдинов,

Г.Р. Аминова // Научный электронный журнал Меридиан. - 2021. № 1 (54).
- С. 87-89.

6. Майстренко Г.А. Пожизненное лишение свободы как мера уголовного наказания: политико-правовые аспекты / Г.А. Майстренко // Вопросы российского и международного права. - 2022. - № 9А. - С. 207-212.
7. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.144

ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Антропова Екатерина Артемовна

Студентка

ФГБОУ ВО «СГЮА»,

г. Саратов, Российская Федерация

kate_antropovaaakes@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена особенностям производства в рамках уголовного судопроизводства такого следственного действия как допрос. В работе проанализированы проблемные вопросы, возникающие в процессе допроса особой категории граждан – несовершеннолетних. Для достижения целей и положительных результатов от рассматриваемого следственного действия автором предложены некоторые рекомендации.

Ключевые слова: допрос, допрос несовершеннолетних, следственные действия.

Допрос является одним из важнейших следственных действий, главной задачей которого является получение и фиксация информации, полученной от свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, экспертов об известных им фактах, имеющих значение для правильного разрешения дела. Тактика допроса напрямую зависит от личности допрашиваемого, его психологических особенностей, а также роли в процессе расследования преступления. Так, допрос несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, несомненно, имеет свои особенности, в первую очередь, с учетом возрастных и социально-психологических особенностей.

В соответствии со статьей 3 Конвенции о правах ребенка во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка [1].

Несовершеннолетние – это лица, находящиеся в уязвимом социальном положении. Зачастую они не могут в полной мере защитить себя и свои права в силу узкого кругозора, отсутствия большого жизненного опыта и своей порой чрезмерной эмоциональности. В нашем государстве жизнь ребенка имеет высшую ценность, а защита его прав гарантируется и обеспечивается Конституцией Российской Федерации, в том числе и в ходе такого следственного действия как допрос.

Успешное проведение допроса и получение необходимых результатов зависит от тщательной подготовки следователя к следственному действию и выборе правильной тактики. Непосредственно при подготовке к допросу следователю необходимо изучить всю возможную информацию о личности несовершеннолетнего, например, о его образе жизни, составе семьи, жилищных условиях, отношениях с ровесниками, успеваемости, поведении в учебном учреждении, продумать вопросы, которые будут поставлены перед допрашиваемым, а также определить круг лиц, которые будут участвовать в допросе.

Таким образом, качественная подготовка к допросу позволит следователю выбрать правильный подход, установить доверительный контакт и минимизировать стресс для несовершеннолетнего, что, в свою очередь, может способствовать более откровенному и продуктивному взаимодействию.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, при допросе несовершеннолетнего, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога

обязательно [2]. Ст. 191 УПК РФ закрепляет, что в случае, если допрос проводится в отношении несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, участие педагога или психолога осуществляется по усмотрению следователя.

Значительной проблемой в процессе допроса является налаживание контакта следователя непосредственно с несовершеннолетним. Зачастую, несовершеннолетние не сообщают в полной мере всю необходимую для следствия информацию в силу ряда причин. Поэтому важной задачей следователя, а также психолога и (или) педагога является выработка доверия со стороны несовершеннолетнего и выстраивание с ним доверительных отношений. Для эффективности проведения допроса с учетом личности допрашиваемого, а также его индивидуальных психологических особенностей, им необходимо подготовить ряд вопросов, которые позволят воспроизвести в памяти ребенка события, имеющие важное значение для раскрытия преступления.

Стоит отметить, что законодателем не регулируется вопрос о том, в каких случаях необходимо участие педагога, а в каких – психолога. Функции, выполняемые данными субъектами в процессе допроса, имеют значительные различия. Так, поскольку педагогика сосредоточена на выявлении закономерностей в воспитании и обучении, основной функцией педагога в процессе допроса является компенсация недостающих педагогических знаний у органов следствия. Участие педагога позволяет избежать неправильного толкования слов допрашиваемого, а также помогает сформулировать вопросы следователя для наиболее верного понимания. В то время как психология изучает процесс формирования и развития психических явлений, а роль психолога в допросе заключается в глубоком понимании личностных и возрастных особенностей несовершеннолетнего. Психолог способен оценить эмоциональное состояние допрашиваемого, выявить возможные стрессовые факторы, которые могут повлиять на его поведение. Кроме того, участие психолога позволяет проанализировать мотивацию содеянного

несовершеннолетним, что играет решающую роль в понимании его действий и принятии дальнейших решений в ходе следствия. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что участие в допросе именно психолога является более предпочтительным, поскольку данный субъект способен оказать профессиональную психологическую поддержку и помощь несовершеннолетнему, что значительно облегчает процесс допроса и способствует более точному восприятию ситуации.

Необходимо отметить, что соответствии со ст. 280 УПК РФ допрос потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати лет, проводится с обязательным участием его законного представителя. Стоит сказать, что участие в допросе законного представителя, а также педагога и (или) психолога может поставить в неловкое положение и «смутить» несовершеннолетнего, в следствие чего получить всю необходимую для следствия информацию представляется затруднительным. В связи с этим к следователю предъявляются требования не только в вопросах уголовного и уголовно-процессуального характера, но и психологического, морального. Но, в случае если участие в допросе законного представителя противоречит интересам несовершеннолетнего, следователь вправе обеспечить участие в допросе другого законного представителя допрашиваемого.

Еще одной отличительной особенностью допроса с участием несовершеннолетнего является обязательное применение видеозаписи или киносъемки, за исключением случаев, когда несовершеннолетний либо его законный представитель против этого возражает.

Необходимо отметить, что важное значение имеет обстановка допроса. Зачастую несовершеннолетние чувствуют себя достаточно скованно и напряженно. Поэтому важной задачей следователя является обеспечить допрашиваемому комфортную обстановку, которая позволит минимизировать тревожность. Следователю необходимо проявлять заинтересованность, дружелюбие, тем самым, дав понять несовершеннолетнему, что его информация имеет важное значение. Кроме того, в процессе допроса для

смягчения стрессовой ситуации и снижения эмоциональной напряженности могут использоваться различные предметы, которые помогут несовершеннолетнему описать или рассказать о каком-либо значимом факте, например, бумага, карандаши, фломастеры, игрушки и т.д.

Стоит обратить внимание, что продолжительность допроса также играет значимую роль для эффективности процесса, а также влияет на эмоциональное и физическое состояние самого допрашиваемого. Так, в зависимости от возраста несовершеннолетнего законодатель выделяет следующие временные ограничения: в возрасте до семи лет допрос не может продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности - более одного часа; в возрасте от семи до четырнадцати лет - более одного часа, а в общей сложности - более двух часов; в возрасте старше четырнадцати лет - более двух часов, а в общей сложности - более четырех часов в день.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что допрос несовершеннолетних безусловно является сложным процессом, имеющим ряд особенностей. Эффективный допрос возможен только при условии тщательной подготовки, которая включает в себя не только сбор информации о деле, но и изучение личности самого допрашиваемого. Только комплексный подход может способствовать успешному проведению допроса при соблюдении прав и интересов самой уязвимой категории граждан.

Библиографический список использованных источников

1. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989; вступила в силу для СССР 15.09.1990) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/2f597f79440935f95bff4775c94cbf7447e3efad/ (дата обращения: 30.04.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №52. – Ст. 4921.

**ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ДОВЕДЕНИЕ ДО
САМОУБИЙСТВА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Антропова Екатерина Артемовна
Студентка
ФГБОУ ВО «СГЮА»,
г. Саратов, Российская Федерация
kate_antropovaaakes@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена особенностям расследования преступлений, направленных на доведение до самоубийства несовершеннолетних. В работе рассмотрены проблемные вопросы, возникающие при производстве расследования, проанализированы позиции ученых-правоведов, а также судебная практика по рассматриваемому вопросу.

Ключевые слова: особенности расследования самоубийства, самоубийство несовершеннолетних, доведение до самоубийства несовершеннолетних.

Одной из важнейших задач современного российского государства является защита прав детей и обеспечение возможности для их нормального физического и психического развития. К сожалению, на сегодняшний день в отношении несовершеннолетних совершается значительное число преступных посягательств. В соответствии с расчетом Единой межведомственной информационно-статистической системы о количестве несовершеннолетних потерпевших, сформированном на основе данных формы федерального статистического наблюдения 5-ЕГС «Сведения о потерпевших и совершенных в отношении них преступлениях», утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 26.12.2023 г. № 903, в период за январь – декабрь 2024 года в Российской Федерации совершено 107592 преступления в отношении несовершеннолетних [2].

Доведение лица до самоубийства или до покушения на него путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства является уголовно-наказуемым деянием, предусмотренным статьей 110 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [6]. Особую общественную опасность представляет собой совершение данного преступления с одним из квалифицирующих признаков, предусмотренных в ч. 2 ст. 110 УК РФ, – в отношении несовершеннолетнего. Несовершеннолетние – это лица, находящиеся в уязвимом социальном положении. Зачастую они не могут в полной мере защитить себя, свою жизнь и здоровье в силу физических и порой умственных возможностей. Поэтому в нашем государстве жизнь ребенка имеет высшую ценность и охраняется, в том числе, уголовным законом.

В процессе расследования рассматриваемой категории преступлений следователю необходимо с особой избирательностью относиться к выбору тактических приемов, ведь именно от правильности такого решения зависят результаты установления события и состава преступления. Немаловажной проблемой на первоначальном этапе расследования является нехватка криминалистически значимой доказательственной информации. Так, Л.Я. Драпкин в своей работе говорит: «В условиях тактического риска и синтаксической неопределенности из всех вариантов действий часто только один является правильным. Но выбрать его мешает недостаток информации. Все это исключает гарантию оптимальности сделанного выбора» [1, с. 25].

Для решения данной проблемы некоторые авторы предлагают при расследовании преступлений использовать ситуативный подход, смысл которого заключается в «разработке алгоритмов решения сложных следственных ситуационных задач, которые могут быть связаны с проблемами организационно-управленческого характера, конфликтными ситуациями между участниками процесса, а также трудностями поиска информации об обстоятельствах дела» [3, с. 109]

На первоначальном этапе расследования доведения до самоубийства несовершеннолетнего необходимо определить возможные следственные ситуации. Во-первых, может иметь место самоубийство, при котором известны причины произошедшего, а также лицо, причастное к нему. Во-вторых, может быть совершено самоубийство, при этом неизвестны обстоятельства случившегося, а также не установлена личность возможного причастного к доведению несовершеннолетнего до самоубийства лица. И, в-третьих, возможна следственная ситуация, при которой несовершеннолетнему удалось выжить, а также присутствует наличие информации о причинах попытки совершения самоубийства и причастном к доведению до самоубийства лице.

Итак, проверка сообщений о возможном самоубийстве чаще всего начинается с осмотра места происшествия, который является важнейшим следственным действием за счет того, что в процессе устанавливается большее количество доказательственной информации, имеющей значимую роль в раскрытии преступления. Важно отметить, что, если осмотр места происшествия имеет «поверхностный» характер, то зачастую преступления остаются нераскрытыми. Поэтому следователю для выявления следов преступления необходимо в полной мере применять правила криминалистической техники.

При рассмотрении вопроса доведения до самоубийства несовершеннолетнего следует обратить внимание на один из ключевых источников значимой для раскрытия преступления информации как предсмертная записка. Предсмертная записка чаще всего оставляется в привычном рукописном виде. Но, с учетом возрастной категории потерпевших, которая характеризуется обильным использованием информационными технологиями, важно отметить возможное оставление предсмертной записки непосредственно на электронных устройствах, например, на телефоне, компьютере и тд. Поэтому при осмотре места происшествия необходимо установление личных электронных устройств

несовершеннолетнего, на которых могут содержаться фотографии, видео и аудиозаписи, включающие в себя, например, возможные действия несовершеннолетнего перед самоубийством. Как показывает практика, перед совершением самоубийства несовершеннолетние часто оставляют предсмертные записки в виде соответствующей записи на личной странице в социальных сетях (например, Вконтакте, Телеграм). Информация о планируемом самоубийстве может содержаться и в личных смс-сообщениях в виде текста или аудио/видеозаписей. Кроме того, на практике существуют случаи, когда несовершеннолетние «информируют» о своих намерениях совершить самоубийство посредством онлайн-трансляций. Примером подобного вида предсмертной записки является известный случай 2016 года, в котором двое псковских подростков перед самоубийством вели прямую трансляцию в приложении «Periscope». Таким образом, поиск электронных устройств несовершеннолетнего имеет особо важное значение в связи с наличием значительного объема информации, необходимого для расследования преступления.

Значимым в расследовании преступления также является осмотр непосредственно места проживания несовершеннолетнего, которое может содержать информацию об обстоятельствах, способствовавших к совершению последующего самоубийства. Так, необходимо обращать внимание на рукописные записи, которые вел несовершеннолетний, рисунки, плакаты, постеры, в той или иной мере характеризующие интересы подростка; предметы, которыми можно причинить себе вред; упаковки от лекарственных средств. Особое внимание отводится осмотру жилищно-бытовых условий, в которых проживает несовершеннолетний, например, благоустройство, санитарно-гигиеническое состояние. Наличие в месте проживания специфического запаха табака и алкоголя, насекомых, обилие грязи и плесени, отсутствие или малое количество личных вещей подростка, предметов личной гигиены и т.д. свидетельствуют о неблагоприятных условиях проживания. Отдельно рассматривается вопрос образа жизни семьи и, зачастую, это

происходит в ходе допроса родителей, родственников, соседей, органов опеки и попечительства.

Необходимо отметить, что немаловажную роль в процессе раскрытия преступления играет такое следственное действие как допрос. В соответствии со ст. 280 УПК РФ допрос потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати лет, проводится с обязательным участием его законного представителя [5]. Кроме того, в некоторых случаях в ходе допроса присутствует педагог и (или) психолог. Значительной проблемой в процессе расследования преступления рассматриваемой категории является налаживание контакта следователя непосредственно с несовершеннолетним. Зачастую, несовершеннолетние не сообщают в полной мере всю правдивую информацию о случившемся. Кроме того, участие в допросе законного представителя, а также педагога и (или) психолога также может смутить несовершеннолетнего, в следствие чего получить всю необходимую для следствия информацию представляется затруднительным. В связи с этим к следователю предъявляются требования не только в вопросах уголовного и уголовно-процессуального характера, но и психологического, морального.

Непосредственно в ходе допроса задачей следователя, а также психолога и (или) педагога является выработка доверия со стороны несовершеннолетнего и выстраивание с ним доверительных отношений. Для эффективности проведения допроса с учетом личности потерпевшего, а также его индивидуальных особенностей, им необходимо подготовить ряд вопросов, которые позволят воспроизвести в памяти несовершеннолетнего определенные образы и события, имеющие важное значение для раскрытия преступления.

Следует отметить, что нередко доведение несовершеннолетнего до самоубийства совершается непосредственно его родителями или иными лицами, на которых возложена обязанность по воспитанию. Это может сопровождаться как жестоким обращением с применением физического насилия, так и оскорблениями, унижающими человеческое достоинство.

Зачастую родители не признают вину в совершении преступления и пытаются скрыть информацию, характеризующую их действия в отношении ребенка. Тем самым, получить правдивую информацию о всех обстоятельствах произошедшего становится значительно труднее.

Так, приговором Верхнебуреинского районного суда Хабаровского края от 22.03.2017 ФИО1 была осуждена по ст. 110 УК РФ и ст. 156 УК РФ [4]. ФИО1 ненадлежащим образом исполняла обязанности по воспитанию своей несовершеннолетней дочери, а также довела несовершеннолетнюю дочь до самоубийства при следующих обстоятельствах: «жестoko, пренебрежительно и грубо обращалась с ней, путем применения психического насилия в виде неоднократного высказывания оскорблений, унижающих её человеческое достоинство, и угроз, а также применяя физическое насилие, не опасное для жизни и здоровья»; «используя малозначительный повод, в присутствии посторонних лиц жестoko обращалась с дочерью путем пренебрежительных, грубых оскорблений, выраженных в нецензурной форме» и т.д. В результате указанных действий несовершеннолетняя, желая избежать жестokoго обращения, систематических угроз и систематического унижения человеческого достоинства со стороны матери, причинила себе смерть через повешенье, совершив самоубийство. При этом, обвиняемая не признала свою вину в содеянном, ссылаясь на трудности на работе, «разгульный» образ жизни дочери, который вынуждал ее совершать описанные действия и т.д.

Исходя из вышесказанного, следует сделать вывод, что, несомненно, в процессе расследования преступления, направленного на доведение несовершеннолетнего до самоубийства, существует ряд особенностей и трудностей, что требует особой избирательности со стороны следствия в выборе тактических приемов, а также их совершенствования.

Библиографический список использованных источников

1. Драпкин Л.Я. Ситуации тактического риска: понятие, структура методы преодоления // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2014 № 6. С. 23-33.
2. ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36198>.
3. Комаров И.М., Пономаренко Н.Ю., Ян Е.И. Ситуационный подход как научно-практическая категория криминалистики // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017 №3 (17). С. 104-114.
4. Приговор Верхнебуреинского районного суда Хабаровского края от 22.03.2017 № 1-12/2017 1-141/2016 по делу № 1-12/2017 // <https://sudact.ru/regular/doc/yvuHAds7rbVB/?ysclid=m8ndxjr3va842687208> (дата обращения: 24.04.2025).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – №52. – Ст. 4921.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
«СФЕРА НАУКИ»

sfera—nauki.ru

№1

Апрель 2025 г.

В авторской редакции

Научный электронный журнал «Сфера науки»,
350000, г. Краснодар, ул. Володи Головатого, 313,
e-mail – sfera_nauki@mail.ru

Краснодар, 2025